

Петер Гуттенхёфер.

Афористически о вопросе: Какой язык нужен учителю?

(Lehrrundbrief Nr. 95 - Februar 2011, S. 26-33)

Вплоть до прошлого века в Европе ещё можно было встретить последние пережитки традиций рассказывания. Постепенно этот источник окончательно пересох. До последнего гениальные умы могли услышать сказанное в народе и записать то, что кипит в глубинах народной души. Невозможно представить, как сегодня выглядела бы духовная жизнь без «Калевалы» Элиаса Лённрота, без собраний сказок братьев Гримм и Афанасьева и мн.др. Насколько популярным стало народное творчество в связи с распространением печатных иллюстрированных книг, настолько мало это способствует жизни источника, из которого оно берёт своё начало: рассказыванию. В других местах этот источник ещё жив, хотя индустриальное сознание так называемой западной цивилизации иссушает его повсюду.

Среди южноафриканского народа банту до сих пор сильны предания, которые нельзя записывать; его передают из уст в уста посвящённым. Один из них - великий писатель и пророк Вусамазулу Кредо Мутва, который пережил не самые лучшие времена в своей Отчизне, когда после второй Мировой войны он опубликовал тайные фрагменты мифологии банту в своей книге "Indaba by Children". С тех пор ему грозит смертная казнь от хранителей традиции.

Сегодня бродячие артисты путешествуют по Бразилии и рассказывают в художественной форме жителям деревень их собственную историю. Как только они слышат болтовню на рыночной площади или в кафе, они созывают людей, натягивают бельевую верёвку, прикрепляют на ней свои шпиргалки и начинают распевать в изысканных ритмах и рифмах свои песенки «с верёвки». Отсюда происходит бразильское высказывание "literatura cordel". Можно привести и другие примеры.

Мы знаем, что в образах фольклора и в мифов живёт глубокое самосознание народа, и в видах рассказывания выражается характерное в ландшафте, темпераменте и формах жизни. Мы также знаем, что душевной жизнью народа можно управлять, если прикоснуться к мифам. Эстонский педагог сказал однажды: «Русские никогда не смогли бы покорить нас, потому что в нашей мифологии нет ада!»

Не узнаём ли мы полноту, богатство и уязвимость человеческой личности по тому, как и что она рассказывает? Если кто-то познал мир, глубоко прожил и исследовал вещи, сути, людей, если он сострадал, проделал типичное для времени, узнал пробразы и умеет всё это облечь в подходящую экспрессию, то мы открываемся, этот человек нам становится интересен. Это так естественно, что об этом можно было бы и не упоминать.

Почему же тогда отвергается «выступление учителя»? Сердечная часть встречи ученика с учителем рождается тогда, когда последний ведёт рассказ! Речь не о жизни учителя, часто о ней можно было бы и промолчать. Нет, рассказ о чём-то, о животном, растении, местности, историческом событии.

Например, следующее: 14 июля 1789 года в Париже взбунтовавшаяся толпа пошла на Бастилию, символ деспотии. Однако башня хорошо охранялась, сверху началась стрельба в то время, как неизвестный никому пекарь под градом пуль полез на стену и молниеносно ослабил устройство, фиксировавшее наверху выкидной мост.

Ни одна пуля не задела его, хотя он лез мимо охраны. Мост опустился, и разгорячённый народ хлынул внутрь крепости. События приняли всемирно известный оборот. Комендант приказал остановить стрельбу и начал переговоры об освобождении пленных, но в конце разъярённая толпа линчует его.

И это должны прочитать ученики средней школы в книге? Нет, это должно быть рассказано, рассказано учителем, чья подготовка должна состоять во внутреннем проживании событий и в том, что учитель сам задаёт себе вопрос: Почему пули не задевали пекаря? Может, ему придётся поломать собственное представление, прежде чем он потребует от учеников понять и объяснить причинные взаимосвязи в мировой истории.

То, чему нужно уделить внимание в образовании будущих учителей истории, можно было бы назвать «историческими миниатюрами». 15-ти или 20-минутные рассказы, постоянно отрабатываемые, пока они не очистятся от языкового мусора, состоящего из «так сказать, собственно, итак, ит.д.» Пока это не станет настоящим, а не только будет выглядеть таковым. Не обязательно становиться Лутцем Гёрнером, нужно просто внутренне видеть то, что говорят. А для этого многим сегодняшним кандидатам в учителя, прошедшим через иссушающее штудирование книг, требуется помощь. Заниматься надо не только постановкой голоса, но и душевной настройкой. Когда учитель представляет начало книги “Hiob” так, что звучат струны его собственной души, где он сам «Хиоб», его характер принимает личностный характер, который пронизан полотном представлений от его слов и предложений, словно животворящим светом. И ученики слушают, в третьем ли или в тринадцатом классе. Если ничего не звучит, то и учеников нет резонанса, во время прослушивания у них пересыхает во рту.

Где же мастера, которые могли бы передать эти способности? Где же кафедры искусства рассказывания? Кажется, что образное говорение уже не является сокровищем, обладать которым стремятся образованные люди. В таких упражнениях так легко дотронуться до самого интимного в человеке, так как душевное богатство или же нищета обнажаются во время рассказывания. Помимо этого, каждому придётся прийти к собственному пониманию сути языка, пониманию, которое отличается от принятого сегодня. Необходимо понимание, которое серьёзно относится к языку и речи в их истинной действительности, а.и. как к носителям значений, экспрессии и смысловых проявлений. Об этом последнем аспекте, осмысленности языка с точки зрения фонетики, и пойдёт речь далее.

В этой связи неожиданный взгляд на роман Д.Оруэлла «1984» нам показывает, что автор написал маленькую главу о грамматике «новой речи», которая будучи искусственно введённой в обиход должна служить официальным языком для идеологической манипуляции человеческими массами Океании. Некоторые особенности этого языка прорисованы. Что касается глаголов, то они имеют только слабый тип спряжения! Вместо “ich singe, ich sang, ich habe gesungen” следовало говорить “Ich singe, ich singte, ich habe gesingt“. Это якобы служит регулярности и простоте в языке. Уже на этом маленьком примере понятно, насколько серьёзно относится Оруэлл к языку, а именно к принципам словообразования. Нежная музыка вокализации рядов аблаута сильных глаголов была отменена указом: информация полностью сохранена, но ослабляется телесное и душевное сопереживание говорящего сказанному. Это как раз в духе разрушения Я, которое и является темой книги.

Неужели так сильно сопряжены друг с другом внутренняя свобода и вокализация? О чём тогда свидетельствуют всё учащающиеся случаи ошибочного слабого спряжения сильных глаголов в разговорной речи? Рассмотрим следующий факт: специальные тесты доказывают, что наше правое ухо значительно чётче, чем левое, воспринимает последовательность согласный – гласный – согласный, в то время как при слушании гласных никакого различия не выявили. Итальянский невролог Лучиано Мекаччи в 70-е годы обнаружил, что можно говорить о направленности на согласные левого полушария

мозга и на гласные – правого полушария. Это значит, что тонкая игра внутри человека между рациональностью и интуицией – если выразить мысль кратко – отражается в игре гласных и согласных его языка, и если лишить его гласных, то будет нарушена его способность к интуиции.

Этого достаточно, чтобы понять, насколько тонки связи между образующими силами языка и душевными процессами, особенно на уровне значений – и насколько необходимо учителю соответствующее действительности восприятие языка. Следовало бы вплоть до семантики отдельных звуков углубить то, что сегодня может дать современной лингвистике фонетика и фонология. Но правда, при этом ещё необходимо преодолеть современную догму о том, что язык нужно рассматривать только как форму, но не как субстанцию; якобы каждый отдельный звук не обладает ничем другим, как качеством, которое позволяет отличать его от других в рамках фонетической системы. Этим можно было бы пробудить совсем новый вид внимания к качеству сказанного слова, пониманию, которое углубляет услышанное и побуждает к особому проживанию языка. Этим был бы проложен путь, который берёт начало в восприятии звука, и через физиогномическое в слоге и слове привёл бы к проживанию предложения как эстетического явления. Для такого слушателя предложение станет переживанием в его звуковых красках, ритмическом рисунке, музыкальной динамике. Следующее предложение – жемчужина из сокровищницы братьев Гримм – могло бы быть примером этюда для упражнения:

«В стародавние времена, когда желания ещё исполнялись, жил король, чьи дочери были прекрасны, но младшая была так прекрасна, что её красоте удивлялось даже солнце, которое столько уже повидало на этом веку.» Какое искусство кроется за тем, чтобы паузу после первого «прекрасны» наполнить тонким напряжением, которое ослабевает с неожиданным «но»! Или второе «прекрасна» как эмпатическое усиление первого заставить звучать эхом! Невозможно передать, насколько испуган и беспомощен современный «образованный» человек перед подобным заданием. Необходимо преодолеть обыденно-прозаическое. Однако при этом легко впасть в тон любимой доброй бабушки с невероятными высокими затактами. Так как всё находится на грани с китчем, то велика вероятность прибегнуть к иронии, что полностью разрушит музыку предложения.

Отто Фридрих Боллнов написал в 1966 году замечательную книгу о «Языке и воспитании». Но в ней абсолютно не рассматривается звук. Рассказыванию как монологической форме языка отводится полторы страницы. Не грустно ли осознавать, что изложения этой прекрасной философской души звучат как благочестивые лозунги? Нужно найти путь, путь упражнений для учителя, который подвигнет его распознать в языке свой «духовный материал». Путь, который поможет через познание тайн рождения языка научиться творить в нём. То есть именно «рассказывать», а не просто передавать информацию.

В.Кандинский предложил для проживания «чистого звука» языка следующее. Когда в результате определённых упражнений «чистый звук» выступает на передний план, он начинает оказывать давление на душу: «Душа переходит к беспредметной вибрации, которая ещё сложнее, я бы сказал «наддуховнее», чем колебания души во время колокольного звона, звенящей струны, падающей доски и т.д. Здесь открываются огромные возможности литературы будущего.» А почему бы – не для будущего воспитателя?

Подобный путь упражнений мог бы выглядеть следующим образом: После вызывающих душевные колебания проговаривания и слушания не связанных друг с другом слов, так

называемого беспредметного говорения, сопровождающихся различными упражнениями в артикуляции, беглости говорения и дыхании, он через малые формы анекдота или басни ведёт к народным сказкам. Итак, сначала выучивается то, что создано великими стилистами поэзии. Затем нужно выучить более менее объёмный отрывок одной из сказок Гримм; особенно пробуждающим для мелодики предложения и звуков станет проговаривание выученных текстов "задом наперёд". Подобные упражнения позволяют выработать чувство стиля; и ирония, защитная одежда для душевной простоты многих интеллектуалов, исчезает. Именно она является тем фактором, который мешает настоящему рассказыванию.

Затем следует настоящее рассказывание. Сначала самостоятельно выдуманный анекдот, шутка, собственная басня, затем исторические миниатюры и маленькие поучительные истории, касающиеся живых существ, простого камня или звезды, затем отрывки из эпоса или драматические сцены. Вершиной искусства рассказывания являются народные мифы и евангелие.

Это путь пробуждения внутренней жизни, который может стать свежим источником для урока и воспитания. Тропой омоложения. Взрослый человек сегодня так далёк от детского, что даже в представлении не может приблизиться к детскому мировосприятию. Он забыл о ступенях, по которым сам когда-то взбирался, чтобы стать взрослым человеком: сначала выпрямление, затем хождение и в конце концов оформленное, направленное движение конечностей; этим в нём пробуждалась речь, и говоря он пробуждался к мышлению. Воспоминание о высвобождении себя из душного плотского существование так глубоко сокрыто в нём, как мифы о создании человека австралийских аборигенов; в нём ещё достаточно абстрактно живо образное восприятие трёх ступеней человеческого становления – хождение, говорение, мышление. Но он смог бы подойти к этому осознанно, если бы будучи взрослым должен был пройти этот же путь в обратном направлении: от мышления через говорение к «хождению», тем самым приблизившись к ребёнку и сделав свои действия более плодотворными. Вот что имеется в виду: в науке он освоил картезианское мышление, которое изолировало его, сделало самостоятельным и укрепило в нём антисоциальные силы. Мышление живёт в нём только как индивидуализированное представление, чаще без конечностей, даже чуждое миру, и его влияние практически всегда разрушительно. Оно нехудожественно и невоспитательно. Язык, который оно порождает, необразен, номинален, своенравен, в нём нет ни следа поэзии, он не имеет эстетической ценности, одним словом, он «клёвый». Человеческой речи надо обучить заново, прожить предложение как жест, воспринять звук в его эстетическом качестве. Так представления внутри говорящего обретут более конкретные очертания, превратятся в подвижные душевные образы, обретут руки и ноги («будут во всеоружии»), как говорит пословица, то есть они станут более «конечностными». Говорение станет более тёплым, только тогда станет возможным рассказывание как таковое: то, что говорится, не поучает, оно питает! И речь идёт не об информации, а о питании конкретной духовной субстанцией. Так путь нас снова приводит к ребёнку: от абстрактного мышления через согревающее рассказывание к обучению, которое до мозга костей принимает характер действия, а не просто передаёт представления через действие.

Экзамен на получение диплома учителя мог бы выглядеть так (чтобы ещё больше придать афористический характер сказанному): экзаменуемый должен пройти 20 км пешком и затем интересно об этом рассказать.